

Окунев Яков Маркович

Воинская страда

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я47

Я47 **Яков Маркович О.**
Воинская страда / Окунев Яков Маркович – М.: Книга по Требованию, 2026. –
195 с.

ISBN 978-5-521-26214-4

ISBN 978-5-521-26214-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Воинская страда.

І. Въ походѣ.

Мы привыкли ко всему, обтерпѣлись, „обстрѣлялись“, и трудно теперь удивить или испугать насъ какой-нибудь неожиданностью. Атаки, переходы, обхваты, быстрыя перемѣны фронта, передвиженія по невозможнымъ дорогамъ, а то и безъ всякаго пути и дороги,—все это было, и, кажется, ничего новаго въ смыслѣ испытанія нашихъ силъ, нашей выносливости и терпѣнія дальнѣйшій ходъ кампаніи дать не можетъ. Послѣ Равы, Синявы, Ярослава, послѣ пройденныхъ сотенъ верстъ по болотамъ, топямъ и лѣсамъ, послѣ переправъ черезъ рѣки въ бродъ и по понтонамъ, подъ ужаснымъ непріятельскимъ огнемъ, мы, уцѣлѣвшіе, покрытые корой грязи, въ истрепанныхъ сапогахъ, въ изодранныхъ шинеляхъ и полушубкахъ, равнодушно встрѣтили вѣсть о томъ, что завтра намъ надо выступать въ походъ, что намъ предстоитъ длинный и трудный переходъ къ высотамъ Бескидъ, гдѣ придется брать каждый свой шагъ съ бою, завоевывать каждую пядь земли.

Мы—„боевые единицы“. Здѣсь, на войнѣ, вольноопредѣляющійся Сомовъ, окончившій два факультета,

ничѣмъ не отличается отъ олонцакаго мужика Кистякова, который, кажется, дальше ста и считать не умѣетъ. Да и какое тутъ можетъ быть различіе, когда наши дѣйствія координируются и приводятся въ связь не столько дисциплиной, къ которой можно относиться сознательно, сохраняя свою индивидуальность, сколько могучимъ инстинктомъ, который сглаживаетъ умственное превосходство однихъ надъ другими, различіе душевнаго склада, взглядовъ, порывовъ и стремленій. Среди четырехъ тысячъ рязанцевъ, полтавцевъ, туляковъ и костромичей, составляющихъ полкъ, насъ, интеллигентовъ, десятка полтора, и пройдя съ ними путь отъ Сандомира до Стрыя и до Унтервальденскихъ лѣсовъ, мы стали такими же, какъ они, переняли ихъ привычки, ухватки, движенія, потому что такъ удобнѣе, „ловчѣе“ дѣйствовать, какъ дѣйствуютъ олонцакіе или пензенскіе мужики въ солдатскихъ мундирахъ.

— Почто это мы безперечь ходимъ, а воевать не воюемъ?— спрашиваетъ Кистяковъ.

Не то, чтобы его обуревалъ воинственный пылъ, но „безперечь ходить“, т. е. дѣлать длиннѣйшіе переходы, марши и обхваты невидимаго непріятеля гораздо труднѣе и утомительнѣе, чѣмъ участвовать хотя бы въ многодневномъ бою.

Кистяковъ убѣжденъ, что непріятель „утекаетъ“.

— Ему всыпали, енѣ и задалъ стрекача. Сигануль за гору и вся недолга.

Горъ еще не видно; онѣ гдѣ-то „тамъ“, въ неопредѣленномъ далекѣ, но когда мы ихъ перевалимъ, „ему“ непременно будетъ „крышка“.

— Куды яму, скажемъ, уйти? Некуды, окромя какъ сдаться въ плѣнъ. Ну, тутъ мы яго и возьмемъ, а послѣ того зашабашимъ.

А пока что, мы идемъ по бездорожью форсированнымъ маршемъ, въ полной амуниціи, изрѣдка сталки-

ваясь съ незначительными непріятельскими разѣздами и пѣшими отрядами. И приходится намъ одолѣвать не живое противодѣйствіе непріятельской арміи, а тысячи искусственныхъ препятствій. Мосты взорваны—мы премъ всей массой черезъ рѣки въ бродъ. Дороги изрыты и заграждены сѣтями колючей проволоки. Кистяковъ рветъ напоромъ тѣла проволочное загражденіе:

— Эка дѣло: дротъ перервать!

Лѣса горять; пламя бушуетъ въ заросляхъ и чащахъ. Кистяковъ только что прошелъ въ бродъ, по горло въ ледяной водѣ, рѣку. Онъ промокъ до мозга костей, въ сапогахъ хлюпаютъ вода, а теперь онъ идетъ напроломъ въ огонь. Окутанный ѣдкимъ дымомъ, отъ котораго першитъ въ горлѣ и слезятся глаза, онъ прорывается впередъ къ горамъ, за которыя „сиганулъ“ непріятель и гдѣ мы непременно „зашабашимъ“.

Деревни, усадьбы, мѣстечки на нашемъ пути обезлюдѣли. Непріятель реквизировалъ всѣ съѣстные припасы, а чего реквизировать нельзя было, онъ сжегъ. Наши обозы идутъ кружнымъ путемъ и не поспѣваютъ за нами. Намъ приходится туго, а Кистякову, Пахомову, Левченко—всѣмъ, какъ на зло, хочется „подѣсть“. Мечтаютъ о горячихъ щахъ, о чаѣ, о всякихъ прелестяхъ, которыхъ мы давно не видѣли въ нашей трудной боевой страдѣ.

Въ шесть дней прошли около двухсотъ верстъ. Начались холмы, голые, каменные и крутые. И Кистяковъ повеселѣлъ, яснѣе стали лица у всѣхъ, потому что скоро конецъ походу. Будетъ ли дальше легче—Богъ вѣсть, но нѣтъ уже болотъ, нѣтъ разлившихся рѣкъ и вязкихъ топей, и пусть ожесточенный бой, пусть „маршутки“ и пулеметы—это легче, веселѣе, чѣмъ пробираться по топкимъ дорогамъ Галиціи, спать въ глинистой жижѣ, дрогнуть, мокнуть, мерзнуть.

Въ полдень устроили приваль у Б-скихъ высотъ, на „горлышкѣ“. Такъ называютъ солдаты узкій перешеекъ между двумя озерами. Къ вечеру, невѣдомо откуда, показался отрядъ казаковъ, около полусотни. Завидѣвъ издали своихъ, они затагнули лихую пѣсню, даромъ, что видъ у нихъ былъ замороженный, что изодрались на нихъ мундиры и что одинъ казакъ былъ даже безъ сапогъ.

— Гдѣ побывали, ребята?

Казакъ смотритъ на пѣхотинца свысока. „Пѣхтура—во щахъ квашена“, „землетопы“, „растяпы“. Сидитъ онъ, подбоченясь, на своемъ „мастачкѣ“ (конь), щурить свои раскосые глаза и отвѣчаетъ не сразу. Цыкнулъ слюну сквозь зубы, почесалъ „мастачка“ за ухомъ и пренебрежительно бросилъ:

— Были мы подъ У.

— Какъ подъ У.? Врешь, братъ, тамъ—австрійцы.

Подлѣ горнаго прохода У. сконцентрированы главныя силы непріятеля. Онъ защищаетъ проходы въ Венгрію. Но полусотня казаковъ, посланная на развѣдку, забралась глубоко въ тылъ непріятеля, „нащупала“ расположеніе его силъ и какимъ-то чудомъ прорвалась назадъ, несмотря на заставы и пикеты.

Для развѣдокъ казакамъ совсѣмъ не надо было забираться въ тылъ, но это вышло само собою.

— Пробирались мы въ рыло, съ рыла ихъ видимо-невидимо. Ну, мы и порѣшили двинуть ему въ за-тылокъ.

Кисяковъ, рыжій саженнаго роста мужикъ съ золотой бородой, почувствовалъ себя „Рассеей“. Это для него не формула, не отвлеченность, а конкретный фактъ, и оттого онъ, неуклюжій, какъ медвѣдь, беретъ „нахрапомъ“ укрѣпленныя позиціи непріятеля, бьетъ, словно тараномъ, стѣну австрійскихъ корпусовъ, защищающихъ ворота въ Венгрію. Силою фатальной

увѣренности, что „наша возьметъ“, онъ одолѣлъ Раву и Стрый и претъ впередъ безъ удержу и остановки.

Въ полку четыре тысячи Кистяковыхъ. Въ эту черномоземную толщу вкраплено нѣсколько интеллигентовъ. И увѣренность Кистяковыхъ передается намъ, заражаетъ насъ, крѣпитъ наши силы. И такъ же, какъ Кистяковъ, мы чувствуемъ себя „Рассеей“, огромной, неповоротливой, тяжелой на подъемъ, но сокрушительной въ своемъ медленномъ движеніи по полямъ и лѣсамъ Галиціи...

По даннымъ, доставленнымъ казаками, выходитъ, что непріятель близко. Да оно видно и по всему: по отдаленнымъ сполохамъ выстрѣловъ, по смутному гулу канонады, по пробѣгающимъ по небу напаривающимъ снопамъ бѣлаго свѣта прожекторовъ. Влѣво отъ насъ завязался бой съ колонной генерала В. Это ложный, демонстративный маневръ, съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля, пока наши, соединившись у Б-скихъ холмовъ, не обрушатся неожиданно на его правый флангъ.

Хлещетъ дождь, смѣшанный съ ледяной крупой; сырой, холодный вѣтеръ пронизываетъ до костей. Вода забирается за рукава, за воротникъ, течетъ холодными струями по груди и спинѣ, промокшая шинель давитъ плечи, сапоги отсырѣли и жмутъ.

— Вольно!..

Люди устали и валятся въ грязь отдохнуть, но шутять.

— Спать будемъ въ киселѣ, земляки.

— Не все же, братцы, уру кричать, надо и волкомъ повать.

Сомовъ наслаждается: онъ свернулъ „собачью ножку“ и тянетъ махорку, отъ которой у него, съ непривычки, першитъ въ горлѣ.

— Въ махоркѣ,—говоритъ онъ, кашляя и задыхаясь

отъ ѣдкаго дыма—никотина меньше, чѣмъ въ дорогомъ табакѣ. Славное дѣло—махорка!

Нѣженка и баринъ, онъ въ началѣ кампаніи нервничалъ и брюзжалъ, а теперь обломала таки его походная жизнь: даже махорку хвалить сталъ.

II. Боевой отборъ.

Сколько мѣсяцевъ или дней прошло съ тѣхъ поръ, когда еще не было войны—я не знаю, не могу отдать себѣ отчета. Кажется, это было такъ давно, что изъ памяти изгладилось то время, когда мы не лежали въ окопахъ, не ходили по болотамъ, не думали о снарядахъ, о шрапнели, о пулеметномъ свинцѣ. И кажется, всегда такъ будетъ, а если будетъ иначе, какъ прежде, я не знаю, какъ я буду жить, смогу ли я жить, какъ жилъ, послѣ того, что видѣлъ, что перенесъ, что пережилъ среди этихъ орловцевъ, тамбовцевъ, саратовцевъ и полтавцевъ.

И Сомовъ, и Липскій, бывшій инженеръ, и Колесниковъ, бывшій адвокатъ—всѣ мы „бывшіе люди“, а теперь рядовые такого-то полка и роты, говоримъ и думаемъ, чувствуемъ и реагируемъ на окружающее такъ же, какъ пермякъ Лопшкаревъ, неграмотный, едва умѣющій выражать свои мысли связными словами, какъ пензенецъ Мاستрючинъ, какъ всѣ наши сѣрые боевые товарищи. Кривая страда сроднила насъ, смела перегородки, и въ ужасахъ войны, которыхъ передать нельзя, которыхъ не оправдать никакими доводами, мы стали такими же, какъ они, цѣльными и простыми, безгранично терпѣливыми и стойкими.

Боевой подборъ отмель прочь слабыхъ, неустойчивыхъ: они въ тылу, въ лазаретахъ. Онъ закалилъ души оставшихся, и робкіе стали храбрыми, малодуш-

ные—сильными. Чѣмъ дальше мы идемъ, тѣмъ больше остается назади тѣхъ, кто не вынесъ трудностей боевыхъ испытаній. Они—пыль, труха арміи, которая намъ не нужна, и некогда намъ жалѣть оставшихъ, больныхъ и павшихъ.

Уцѣлѣль боевой отборъ, лучшіе, сильнѣйшіе, наиболѣе приспособленные, и послѣ войны они, эти сильные, все видѣвшіе и все перенесшіе, внесутъ новое въ жизнь.

Кнестяковъ говорить:

— Зря и курица умирать не станетъ. А народъ—не курица.

Ему недоступны международные принципы, которые онъ призванъ защищать, но онъ знаетъ свое и нащелъ смыслъ и оправданіе войнѣ:

— Народъ коли въ дѣло двинули—выходить, значить, громаднѣйшій антиресъ. То-то!..

Сейчасъ, строясь въ ряды, чтобы, переваливъ черезъ холмы, войти въ сферу боя, солдаты хмуро серьезны и молчаливы. Надъ лѣсомъ съ визгливымъ воемъ рвется шрапнель, гудить въ лѣсу огненный ураганъ; тамъ сущій адъ, а мы взбираемся по крутизнѣ къ лѣсу, цѣпляясь руками, ногтями, винтовками за выступы, за камни, за сухіе сучья кустарника. Сзади насъ катятъ на гору полевые орудія. Люди помогаютъ лошадямъ и съ трудомъ поднимаютъ много-пудовую тяжесть по крутизнѣ на макушку горы.

А тамъ, наверху, въ зонѣ непріятельскаго обстрѣла, работаютъ саперы: слышны удары лопатъ по каменистой почвѣ и крикъ людей, подбадривающихъ другъ друга въ опасномъ боевомъ трудѣ:

— Ну-ка, разомъ, у-ухъ!

— Наддай, наддай, р-азъ!

Вотъ и лѣсъ. Шрапнель и пулеметный огонь срѣзываютъ, какъ ножомъ, вѣтви деревь, щелкаютъ по

корѣ, звучно шлепають, падая на камень и разбрызгивая во всѣ стороны щебень и осколки чугуна. По обочинамъ дороги загорѣлся кустарникъ, и ползутъ по стволамъ сосенъ огненные змѣйки, лижутъ хвою, разгораются и трещать. И дробью, какъ частый и крупный градъ по деревянной крышѣ, стучить пулеметный свинецъ:

— Т-р-р-р!.. Тра-та-та!..

Рядомъ, гдѣ шелъ Лошкаревъ, вдругъ становится пусто. Лошкарева нѣтъ. Вотъ онъ ползетъ на четверенькахъ, а за нимъ—красный слѣдъ. Сѣлъ, закачался изъ стороны въ сторону, глаза закрылъ и скрежещетъ зубами. Шеренга смыкается. Мѣсто Лошкарева занимаетъ Матрючинъ. Съ подбородка его капаетъ кровь, падаетъ на грудь и расплзается алымъ пятномъ по шинели.

— Раненъ?

— Гдѣ?..

Онъ не чувствуетъ боли, не знаетъ о ранѣ и только теперь, тронувъ подбородокъ, смотритъ съ минуту на замазанную кровью руку, на шинель и говоритъ:

— Жгется маленько. Пустое дѣло..

Могучій, оглушительный раскатъ грома. Зыблется земля подъ ногами; лѣсъ сразу окутывается желто-бурымъ дымомъ, и въ густомъ дыму не видно товарища, шагающаго рядомъ. Это гдѣ-то неподалеку взорвался минированный участокъ, фугасы.

Команда:

— Разсыпся!

Потомъ коротко и рѣзко:

— Въ атаку!

Привычное, почти механическое движеніе: разъ-два-три. Ружье на вѣсу, скачекъ впередъ, скачекъ въ сторону. Готово. Нѣтъ никого рядомъ, нѣтъ ощущенія живой связи со строемъ. Оборвалась нить между мною,

Мастрючинымъ, Лбовымъ. Я одинъ. Тоскливая, смертная жуть. Гудятъ, свистятъ и воютъ пули надъ головою, передъ глазами, какъ большія черныя мухи. Какъ много ихъ, какъ много! Вотъ одна тоскливо заплакала надъ самымъ ухомъ:

— И-и-и!

Другая скользнула по флягѣ, зазвенѣла, третья щелкнула по стволу винтовки. И всѣ въ меня, въ меня одного, и колотье, острое и горячее, пробѣгаетъ по тѣлу, съ головы до ногъ...

— Ложись!

— Что это—команда? Некогда разбирать. Предъ глазами кочка, маленькій, едва возвышающійся бугорокъ желтой земли. И кажется онъ очень большимъ,—большимъ прикрытіемъ отъ пуль, отъ шрапнели, отъ гранатъ.

— Шеренга, переходи-и направо!

Какая тамъ шеренга, когда я одинъ? Не хочется подняться съ земли. Тѣло тяжелое, словно налитое свинцомъ, и ноги въ колѣнкахъ не гнутся, и жаль кочки, за которой прятался отъ пуль.

Тамъ, куда несетъ инерція бѣга, поднялась воронка пламени и дыма. И кажется, не сдержать разбѣга, вотъ налетишь на разрывъ, на дождь осколковъ, но тѣло получаетъ откуда-то изнутри неожиданный и сильный толчекъ, и ноги сами несутъ меня въ другую сторону, мимо огненной воронки.

Воля подчинена командному окрику. Онъ заставляетъ машинально подыматься, дѣлать перебѣжку и опять ложиться.

А въ головѣ странно поетъ одна и та же мысль, даже не мысль, а нелѣпый отрывокъ фразы:

— Сорокъ бочекъ закопаль...

Откуда она взялась, гдѣ я слышалъ ее, что она значитъ—не знаю, но я мысленно кричу ее во весь

голосъ и заглушаю ея страхъ, тысячи разъ повторяя, безъ остановки, чтобы не дать во время паузы вторгнуться сознательной мысли объ ужасѣ, о страхѣ:

— Закопалъ, закопалъ, закопалъ.

— Стройся!

Передъ самымъ окопомъ непріятеля смыкаются ряды. Всѣ цѣлы: Лбовъ, Михайловъ, Васютовичъ, я. И сразу перегорааетъ весь ужасъ въ душѣ. Вотъ мои руки, мое тѣло, цѣлы, здоровы, не тронуты:

— Ура-а!

Радостно, звонко, весело вырывается крикъ изъ груди, и все въ немъ, въ этомъ крикѣ: и смѣхъ, и восторгъ, и упоеніе жизнью.

— Ура-а!

Рожки поютъ весело и бодро:

— Тра - тра - та!

— Въ штыки!

Навстрѣчу нашимъ штыкамъ изъ непріятельскихъ окоповъ встаетъ острая стальная щетина. Люди въ сине-сѣрыхъ мундирахъ смѣшиваются съ нашими рядами. Но атака коротка. Черезъ четверть часа австрійцы отброшены и, занявъ параллельный рядъ окоповъ, вырытыхъ ими раньше и находящихся въ полуверстѣ отъ нашего новаго расположенія, опять открываютъ сильный орудійный огонь.

III. Въ обходъ.

При такихъ условіяхъ, когда пулеметный огонь не даетъ сосредоточиться въ зонѣ обстрѣла болѣе или менѣ сплоченной группѣ войска, нечего и говорить о борьбѣ съ противникомъ вплотную. Приходится все время маневрировать, завязывать отдѣльныя стычки съ небольшими группами войска и самимъ разсыпаться